

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПИСЬМО К КНЯЗЮ
Д.А.ОБОЛЕНСКОМУ

Петр Вяземский

Письмо к князю Д.А.Оболенскому

«Public Domain»

1876

Вяземский П. А.

Письмо к князю Д.А.Оболенскому / П. А. Вяземский — «Public Domain», 1876

«Сердечно благодарю вас, любезнейший князь, за присылку мне корректурных листов семейной вашей хроники. Эта хроника отчасти и моя: я современник её содержания. Прочел я ее с живейшим удовольствием, не чуждым умиления, потому что чтение воскрешало в памяти и душе моей предания старины глубокой, мне близкие. Но, отлагая в сторону мои личные впечатления, позволяю себе, как старый литератор, богатый по крайней мере некоторою опытностию, поздравить вас с подарком и услугою, которыми вы порадуете добросовестную и образованную часть нашей читающей публики...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Петр Вяземский

Письмо к князю Д.А.Оболенскому

I

Сердечно благодарю вас, любезнейший князь, за присылку мне корректурных листов семейной вашей хроники. Эта хроника отчасти и моя: я современник её содержания. Прочел я ее с живейшим удовольствием, не чуждым умиления, потому что чтение воскрешало в памяти и душе моей *предания старины глубокой*, мне близкие. Но, отлагая в сторону мои личные впечатления, позволяю себе, как старый литератор, богатый по крайней мере некоторою опытностию, поздравить вас с подарком и услугою, которыми вы порадуете добросовестную и образованную часть нашей читающей публики. Нигде, может быть, подобного рода книги не способны приносить такую пользу, как у нас. В других обществах старые письма, памятные записки (*mémoires*) возбуждают любопытство новых поколений: там общество уже так созрело и так сказать заматерело в своих привычках, оно прошло сквозь такие события, перевороты, перерождения, что им уже нечему, да и некогда научиться из указаний, уроков и образцов старого быта. *Leur siècle est déjà fait*, как говорят Французы. Новые поколения рады знать, что делали отцы и предки, потому что, не смотря на новый быт и радикальное переустройство его, они, например, даже и часто линяющие Французы, все таки держатся с сочувствием преданий, по крайней мере литературных и общежительных. Французы при первом недоразумении, при первом столкновении с властью, готовы ниспровергнуть до последнего камня все свое историческое и государственное здание, но остроумное слово, сказанное за сто лет тому, но какое ни есть удачное четверостишие – обтаются у них неприкосновенными и переживают все возможные и даже невозможные революции. У нас книга, подобная вашей, не только любопытна и занимательна, но поучительна и назидательна. Наше общество развивается не постепенною жизнью. Мы росли, образовались, возмужали более порывами, прыжками. У нас настоящий день мало оглядывается на вчерашний. А чтобы осмотрительнее и вернее идти вперед, хорошо иногда припоминать откуда идешь. Мы вообще мало придерживаемся такого обратного умозрения. Многие не только мало придерживаются, но и отрекаются от пройденного пути. Они за собою хотят оставить одни развалины и пепел: они минувшее истребляют, ломают и сожигают. Словно дикая орда проходит чрез историю. Ваша книга, живая картина, изображающая не только частные и семейные лица, в высшей степени привлекательные, но и без притязательств на историческую важность, она, т.-е. книга ваша, вместе с тем и историческая картина того времени. Надобно только уметь ловить и постигать историю, то есть смысл минувшего и в частных и легких очерках его. Равно книга ваша, без раздражительных пререканий и полемики, без предвзятого мнения служит прекрасным и убедительным опровержением необдуманных толков о какой-то исключительно барской, малограмотной и маломыслившей старине. Многие годы действия или сущности этой книги протекают и разыгрываются в Москве. Здесь опять естественное и возникающие само собою из природы вещей, из общего положения лиц и событий неопровержимое возражение против указаний на какую-то *Грибоедовскую Москву*, которую нам колют глаза и оскмину набивают. Как старый москвич, не могу не порадоваться этому живому и убедительному заявлению того, что было на деле, в противоречие тому, что позднее вошло в понятия от односторонних воззрений, предубеждений и легкомыслия. Я родился в старой Москве, воспитан в ней, в ней возмужал; по наследственному счастью рождения своего, по среде, в которой мне пришлось возвращаться, я не знал той Москвы, которая так охотно и словоохотно рисуется под пером наших повествователей и комиков. Может быть, в некоторых углах Москвы и была, и вероятно была фамусовская Москва. Но не она господствовала:

при этой Москве была и другая образованная, умственною и нравственною жизнью жившая Москва. Москва Нелединского, князя Андрея Ивановича Вяземского, Карамзина, Дмитриева и многих других единомысленных и сочувственных им личностей. Своего рода Фамусовы найдутся и в Париже, и в Лондоне, и каждый из них будет носить свой отпечаток. Грибоедов очень хорошо сделал, что забавно, а иногда и остроумно посмеялся над Фамусовым и обществом его, если пришла ему охота над ними посмеяться. Не на автора обращаю свои соображения, свою критику: он в стороне, он посмеялся, пошутил, и дело свое сделал прекрасно. Но виноваты, и подлежат такому-же осмеянию те, которые в карикатуре, мастерскою и бойкою рукою написанной, ищут и будто находят исторически верную, так сказать, буквальную истину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.